

Вотъ голова, носившая вѣнецъ,
Склонилася на плаху... О, Творецъ!
Одумайтесь! Еще моментъ, злодѣи!..
И голова отторгнута отъ шеи...

LXXXIX.

И кровь съ тѣхъ поръ рѣкою потекла,
И загремѣла жадная съкира...
И ты, поэтъ, высокаго чела
Не удержишь!*) Твоя живая лира
Напрасно по вселенной разнесла
Все, все, что ты считалъ своей душою—
Слова, мечты съ надеждой и тоскою...
Напрасно!.. Ты прошелъ кровавый путь,
Не отомстивъ, и творческую грудь
Ни стихъ извѣстный, ни смѣхъ холодный
Не посѣтилъ—и ты погибъ бесплодно...

LXXX.

И Франція упала за тобой
Къ ногамъ убійцы, бездушныхъ и ничтож-
ныхъ.

Никто не смѣлъ возвысить голосъ свой;
Изъ мрака мыслей гибельныхъ и ложныхъ
Никто не вышелъ съ твердою душой,—
Межъ тѣмъ, какъ втайнѣ взоръ Наполеона
Ужъ зрѣлъ ступени будущаго трона...
Я въ этомъ тонѣ могъ бы продолжать,
Но истина—не въ модѣ, а писатъ
О томъ, что было двѣсти разъ въ газетахъ,
Смѣнно, тѣмъ болѣе о такихъ предметахъ!

LXXXI.

Къ тому же я совѣтъ не моралистъ,—
Ни блага въ злѣ, ни зла въ добрѣ не вижу.
Я палачу не дамъ похвальный листъ
И клеветой героя не унижу,—
Ни плескъ восторга, ни насмѣшки свистъ
Не созданы для мертвыхъ. Царь, или воинъ
Хоть похвалы порою и достоинъ,
Но отъ кадилницы дыма и свѣчей
Не каждому здоровилось, ей-ей!
И, длиннымъ одамъ внемя, поневолѣ
Звалъ кто въ комнаты, кто на престолѣ.

LXXXII.

Я прикажу, кончая дни мои,
Отнести мой трупъ въ пустыню и высокій
Курганъ надъ нимъ насыпать и—любви
Символь ненарушимый—одинокій
Поставить крестъ: быть-можетъ издали,
Когда туманъ протянется въ долину,
И сводъ небесъ взбунтуется, къ вершинѣ
Гостепріимный нищій пѣшеходъ
Его замѣтитъ, медленно придетъ
И, отряхнувши посохъ безнадежнѣй,
Вздохнетъ о жизни будущей и прежней—

LXXXIII.

И проклянетъ, склоняся на крестъ святой,
Людей и небо, время и природу,—
И проклянетъ грозы безсильный вой
И пылкихъ мыслей тщетную свободу...

Но нѣтъ, къ чему мнѣ слушать плачь
людовой?
На что мнѣ черный крестъ, курганъ, гроб-
ница?

Пусть отдадутъ меня стихіямъ! Птица
И звѣрь, огонь и вѣтеръ, и земля—
Раздѣлять прахъ мой, и душа моя
Съ душой вселенной, какъ эфиръ съ эфи-
Сольется и разлѣется надъ міромъ!.. [ромъ,
LXXXIV.

Пускай отъ сердца, полнаго тоской
И желчью тайныхъ, тщетныхъ сожалѣній,
Подобно чашѣ, ядомъ налитой,
Слѣдовъ не остается... Безъ волненій,
Я, выливъ ядъ по каплѣ, ни одной
Не уронилъ; но люди не выдали
Въ моемъ лицѣ ни страха, ни печали,
И говорили хладно: онъ привыкъ.
И съ той поры я облилъ свой языкъ
Тѣмъ самымъ ядомъ, а по праву мести
Сталъ унижать толпу подъ видомъ дести...

LXXXV.

Но совершимъ скорѣе переходъ,—
Вновь обратимся къ нашему герою.
До этихъ поръ онъ не имѣлъ заботъ
Житейскихъ, и невинною душою
Искалъ страстей, какъ пищи. Длинный годъ
Провелъ онъ средь тетрадей, книгъ, исто-
Грамматикъ, географій и теорій [рій,
Всѣхъ философій міра. Пять системъ
Изъѣлъ маркизъ, а на вопросъ: зачѣмъ?
Онъ отвѣчалъ вамъ гордо и свободно:
«Monsieur, c'est mon affaire»—такъ мнѣ
удобно!

LXXXVI.

Но Саша не внималъ его словамъ,—
Разсѣянно въ тетради надъ строками
Его рука чертила здѣсь и тамъ
Какой-то женскій профиль, и очами,
Горящими подобно двумъ звѣздамъ,
Онъ долго на него взиралъ и вѣчно
Вдыхалъ онъ и хранилъ его прилежно
Между листовъ, какъ тайный милый кладъ,
Залогъ надеждъ и будущихъ наградъ.
Такъ прячутъ иногда сухую травку,
Перо, записку, ленту или булавку..

LXXXVII.

Но кто жъ она? Что пользы ей вскружить
Неопытную голову, впервые
Сердечный міръ дыханьемъ возмутить
И взволновать надежды огневны?
Къ чему?.. Онъ слишкомъ молодъ, чтобъ лю-
Идя во слѣдъ извѣстнаго Фоблаза. [бить,
Его любовь, какъ свѣтъ вершинъ Кавказа,
Чиста,—тепла, какъ небо южныхъ странъ...
Ему ль платить обманомъ за обманъ?..
Но кто жъ она?—Не модная вертушка,
А просто дочь буфетчика, Маврушка...

LXXXVIII.

И Саша былъ четырнадцати лѣтъ.

*) Андрей Шенье.